

Пушка ради квартплаты

у Дюка была дочка, ее называли Лалой, и ей исполнилось четыре. она была его первым ребенком, а иметь детей он всегда боялся, ведь дети когда-нибудь могли бы его убить, но теперь он сошел с ума, и она его восхищала, она знала все, о чем думал Дюк, от нее к нему, от него к ней протянулась ниточка.

Дюк с Лалой ходили по магазину, они непрерывно болтали, безостановочно. говорили они обо всем, она рассказывала ему обо всем, что знала, а знала она очень много, инстинктивно, а Дюк многого не знал, но то, что мог, ей рассказывал, и не зря. им было очень хорошо вдвоем.

— что это? — спросила она.

— это кокос.

— а внутри что?

— молоко и жвачка.

— а зачем они там?

— просто им хорошо там, и жвачке, и молоку, им хорошо внутри этой скорлупы. они говорят себе: «до чего же нам здесь хорошо!»

— почему же им там хорошо?

— там всем было бы хорошо. и мне тоже.

— нет, тебе вряд ли. изнутри, оттуда, ты не мог бы водить машину, ты не мог бы видеть меня изнутри. изнутри ты не мог бы есть яичницу с грудинкой.

— яичница с грудинкой — это еще не все.

— а что — все?

— не знаю, может, нутро солнца, только замороженное.

— НУТРО СОЛНЦА?.. ЗАМОРОЖЕННОЕ?

— ага.

— а каким будет нутро солнца, если его заморозить?

— ну, солнце считается огненным шаром. ученые вряд ли со мной согласятся, но, по-моему, оно будет выглядеть примерно так.

Дюк взял с полки плод авокадо.

— здорово!

— ага, вот это и есть авокадо: замороженное солнце. мы едим солнце, а потом ходим, и нам тепло.

— а в том пиве, что ты пьешь, тоже есть солнце?

— конечно.

— а во мне солнце есть?

— больше, чем в ком-либо еще.

— а внутри тебя солнце, по-моему, БОЛЬШОЕ-ПРЕБОЛЬШОЕ!

— спасибо, любовь моя.

они еще походили и сделали все покупки. Дюк ничего не выбирал. Лала наполняла корзину всем, чего ей хотелось. попадалось и кое-что несъедобное: воздушные шары, цветные карандаши, игрушечный пистолет, космонавт с парашютом, который раскрывался у него за спиной, если зашвырнуть его в небо. космонавт просто классный.

кассирша Лале не понравилась. она смерила кассиршу весьма серьезным неодобрительным взглядом. бедная женщина: все лицо изрыто и опустошено — она была ходячим фильмом ужасов и сама об этом даже не догадывалась.

— здравствуй, милочка,— сказала кассирша.

Лала не ответила. Дюк на этом и не настаивал. они заплатили и направились к машине.

— они берут наши деньги,— сказала Лала.

— да.

— а потом ты должен ночью ходить на работу и зарабатывать новые деньги. я не люблю, когда ты ночью уходишь. я хочу играть в маму. я буду мамой, а ты сыном.

— годится, я уже сын. ну, что скажешь, мама?

— годится, сынок, а ты машину водить умеешь?

— попробую.

потом они сели в машину, поехали. какой-то сукин сын задел Дюков дроссель, а когда они поворачивали налево, попытался их протаранить.

— сынок, почему люди хотят ударить нас своими машинами?

— это потому, что они несчастливы, мама, а несчастным людям нравится портить вещи.

— а счастливые люди бывают?

— есть много людей, которые притворяются счастливыми.

— зачем?

— просто им стыдно и страшно, но не хватает духу в этом признаться.

— а тебе страшно?

— у меня хватает духу признаться в этом только тебе — я так адски напуган, мама, что каждую минуту боюсь умереть.

— может, тебе нужна твоя бутылка, сынок?

— нужна, мама, но давай потерпим до дома.

они поехали дальше, на Норманди свернули направо. когда сворачиваете направо, им вас труднее ударить.

— ночью тебе опять на работу, сынок?

— да.

— почему ты работаешь по ночам?

— ночью темнее. люди меня не видят.

— почему ты не хочешь, чтобы люди тебя видели?

— если увидят, меня могут схватить и посадить в тюрьму.

— что такое тюрьма?

— всё — тюрьма.

— я — не тюрьма.

они поставили машину и внесли в дом продукты.

— мама! — сказала Лала. — мы привезли продукты! замороженные солнца, *космонавтов*, все-все-все!

мама (они ее называли «Мэг») — мама сказала:

— отлично.

потом Дюку:

— черт побери, жаль, что сегодня тебе нужно идти. у меня нехорошее предчувствие. не уходи, Дюк.

— это у тебя-то предчувствие? голубушка моя, у меня это предчувствие каждый раз. без него никогда не обходится. я должен идти. иначе нам крышка. малышка все подряд побросала в корзину, от икры до мясных консервов.

— боже мой, ты что, не можешь присмотреть за ребенком?

— я хочу, чтобы она была счастлива.

— она не будет счастлива, если ты угодишь в каталажку.

— слушай, Мэг, при моей профессии приходится учитывать и такую возможность. никуда не денешься. и не о чем тут говорить. я ведь уже оттянул один срок. и мне еще повезло куда больше, чем многим.

— а может, заняться честным трудом?

— у штамповочного пресса, детка, стоять не подарок. к тому же честного труда не бывает. все равно дело кончается смертью. а я уже ступил на соб-

ственную дорожку — я, можно сказать, дантист, удаляю обществу зубы. больше я ничего не умею. уже слишком поздно. а ты знаешь, как относятся к тем, кто сидел. знаешь, как с ними поступают, я тебе уже говорил, я...

— да знаю я, что ты говорил, но...

— но, но, но-о, но-о-о-о! — сказал Дюк. — дай мне договорить, черт тебя подери!

— договаривай.

— эти хуесосы-промышленники, что живут в Беверли-Хиллз и Малибу, паразитируют на рабах. эти парни специализируются на «перевоспитании» преступников, бывших заключенных. оттого и кажется, будто эта дерьмовая система условно-досрочного освобождения пахнет розами. это же надувательство, рабский труд. в советах по надзору за условно освобожденными это знают, они это знают, знаем и мы. экономим деньги для штата, работаем на чужого дядю. дерьмо. всё — дерьмо. всё. они заставляют тебя трудиться втрое больше обычного работяги, а сами обкрадывают всех и каждого в рамках закона — продают всякий хлам в десять, а то и в двадцать раз дороже фактической стоимости. но все в рамках закона, их закона.

— черт побери, я уже столько раз это слышала...

— и черт тебя побери, если ты СНОВА этого не услышишь! думаешь, я ничего не вижу, не чувствую? думаешь, мне не стоит об этом говорить? даже собственной жене? ты ведь, в конце концов, мне жена? мы ведь ебемся? живем-то мы вместе, верно?

— тебя-то наебали, это точно. а теперь ты плачешься.

— отъебись! я совершил ошибку, допустил техническую погрешность! я был молод и не разобрался в их дерьмовых трусливых законах...

— а теперь пытаешься оправдать собственную глупость!

— вот это здорово! мне это НРАВИТСЯ, жenuшка. да ты просто пизда. пизда. всего лишь пизденка на ступенях белого дома, настезь распахнутая, заразная...

— ребенок слушает, Дюк.

— прекрасно. я все-таки договарю. ты — пизда. ПЕРЕВОСПИТАНИЕ. ну и словечко, ну и кровопийцы эти хуесосы из Беверли-Хиллз. их жены слушают в Музыкальном центре Малера и занимаются благотворительностью, не облагаемой налогом. и при этом «Лос-Анджелес таймс» включает их в десятку лучших женщин года. а известно тебе, что с тобой делают их МУЖЬЯ? выматывают тебя на своем паршивом заводике, как собаку. урезают тебе зарплату, прикармливают разницу, и попробуй возникни! кругом сплошь дерьмо, неужели никто не видит? неужели никто НЕ ВИДИТ?

— я...

— ЗАТКНИСЬ! Малер, Бетховен, СТРАВИНСКИЙ! заставляют тебя работать сверхурочно за гроши. то и дело, черт подери, подгоняют, пинки под твой исхлестанный зад так и сыплются. а стоит тебе проронить хоть СЛОВЕЧКО, как они тут же

бросаются звонить инспектору по надзору: «сожалею, Дженсен, но я должен сказать, что ваш поднадзорный украл в кассе двадцать пять долларов. а мы ведь тоже начали было ему доверять».

— так какой же справедливости хочешь ты? господа, Дюк, прямо не знаю, что делать. тебе бы только пустословием заниматься. напьешься и твердишь мне, что Диллинджер был величайшим человеком на свете. откинешься в своем кресле-качалке, пьяный в стельку, и орешь что-то про Диллинджера. а я, между прочим, тоже живой человек. выслушай меня...

— да ебал я этого Диллинджера! он умер. справедливость? нет в Америке справедливости. существует только *одна* справедливость. спроси семью Кеннеди, спроси мертвых, да любого спроси!

Дюк встал с кресла-качалки, подошел к стенному шкафу, порылся под коробкой с елочными игрушками и достал пушку. сорок пятого калибра.

— вот она. это и есть единственная справедливость в Америке. это единственное, что понятно любому.

он помахал треклятой штуковиной.

Лала играла с космонавтом. парашют раскрывался плохо. все было ясно: надувательство. очередное надувательство. как и чайка с мертвенным взглядом. как шариковая авторучка. как Христос, пытающийся докричаться до Папы по оборванным проводам.

— слушай,— сказала Мэг,— убери эту дурацкую пушку. я устраюсь на работу. устраюсь, ладно?

— ТЫ устроишься на работу! который раз я уже это слышу? да ты только и умеешь, что ебаться по-чем зря да лежать на диване с журналами и набивать рот шоколадками.

— боже мой, вовсе не по чем зря — я ЛЮБЛЮ тебя, Дюк, правда люблю.

он уже устал.

— ладно, отлично. тогда убери хотя бы продукты. и приготовь мне что-нибудь до ухода.

Дюк положил пушку обратно в шкаф. сел и закурил сигарету.

— Дюк,— спросила Лала,— как ты хочешь, чтобы я тебя называла — Дюком или папой?

— как хочешь, любимая. как тебе больше нравится.

— а почему на кокосе волосы?

— о господи, откуда я знаю! а на яйцах у меня волосы почему?

пришла из кухни Мэг с банкой гороха.

— я не позволю тебе так разговаривать с моим ребенком.

— с *твоим* ребенком. да послушай, как она говорит! совсем как я. видишь эти глаза? чувствуешь эту душу? все как у меня. твой ребенок — только потому, что она вылезла из твоей щели и твою сиську сосала? она ничейный ребенок. разве что свой собственный.

— я требую,— сказала Мэг,— чтобы ты прекратил так разговаривать при ребенке!

— ты требуешь... требуешь...

— вот именно! — она поставила банку гороха на левую ладонь и медленно подняла. — требую.

— клянусь, если ты не уберешь с глаз моих эту банку, я, да поможет мне Бог, если он есть, ЗАПИХНУ ЕЕ ТЕБЕ В ЖОПУ НА ГЛУБИНУ, РАВНУЮ РАССТОЯНИЮ ОТ ДЕНВЕРА ДО АЛЬБУКЕРКЕ!

Мэг унесла горох на кухню. на кухне она и осталась.

Дюк подошел к шкафу, взял пальто и пушку. он поцеловал свою девочку на прощанье. она была приятней декабрьского загара, красивей шестерки белых коней, скачущих по низкому зеленеющему холму. такие мысли пришли ему в голову. они начали причинять ему боль. он поспешно улизнул. но дверь закрыл очень тихо.

Мэг вышла из кухни.

— Дюк ушел, — сказала малышка.

— знаю.

— я хочу спать, мама. почитай мне книжку.

они уселись рядышком на кушетку.

— мама, а Дюк вернется?

— конечно, куда этот сукин сын не денется.

— что такое сукин сын?

— это Дюк. я люблю его.

— любишь сукина сына?

— ага, — рассмеялась Мэг. — ага. иди ко мне, красавица. на колени.

она крепко обняла малышку.

— ой, какая ты теплая, как горячая грудинка, горячие пончики!

— ничего я и не грудинка и не ПОНЧИКИ! СА-МА ТЫ грудинка и пончики!

— сегодня полнолуние. слишком, слишком светло. я боюсь, боюсь. господи, как я люблю этого парня, о боже...

Мэг порылась в картонной коробке и достала детскую книжку.

— мама, а почему на кокосе волосы?

— волосы на кокосе?

— да.

— слушай, я же кофе поставила. кажется, он сейчас выкипит. пойду выключу кофе.

Мэг ушла на кухню, а Лала осталась ждать на кушетке.

а Дюк стоял в это время у входа в винный магазин на углу Голливудского и Ломбарди и думал: что за черт что за черт что за черт.

что-то там было не так, что-то дурно пахивало. в глубине магазина вполне мог сидеть и смотреть в шелку какой-нибудь козел с люгером. именно так пристрелили Луи. разнесли его в клочья, точно глиняную утку в парке с аттракционами. убийство, дозволенное законом. весь ебучий мир потонул в дерьме дозволенных законом убийств.

что-то в магазинчике было не так. может, сегодня какой-нибудь маленький бар? притон гомиков? что-нибудь простенькое. чтоб хватило на квартплату за месяц.

я делаюсь слабовольным, подумал Дюк. того и гляди, не успеешь опомниться, как останется только сидеть да Шостаковича слушать.

он снова сел в свой черный «Форд-61».

и поехал на север. три квартала. четыре квартала. шесть кварталов. двенадцать кварталов в глубь ледяного мира. а Мэг сидела с малышкой на коленях и читала ей книжку, «Жизнь в лесу»...

«горностаи со своим семейством, норка, пекан и куница — звери дикие, проворные, гибкие. между этими плотоядными животными идет непрерывная кровопролитная борьба за...»

потом маленькая красавица уснула, и наступило полнолуние.

За решеткой вместе с главным врагом общества

в 1942-м я слушал в Филадельфии Брамса. у меня был маленький проигрыватель. это была брамсовская вторая часть. в то время я жил один. я не торопясь отхлебывал из бутылки портвейн и курил дешевую сигару. комнатка была небольшая и чистая. как говорится в подобных случаях, раздался стук в дверь. я решил, что кто-нибудь явился вручить мне Нобелевскую или Пулитцеровскую премию. два туповатых, деревенского вида громилы.

Буковски?

ага.

они показали мне бляху: ФБР.

пойдете с нами. лучше надеть пальто. это ненадолго.

я знать не знал, что я натворил. спрашивать я не стал. я рассудил, что в любом случае все пропало. один из них выключил Брамса. мы спустились вниз и вышли на улицу. в окнах торчали головы, как будто все были в курсе дела.

потом всегдашний женский голос: ага, вот и он, этот жуткий тип! попался наконец!

все дело в том, что с этими дамочками я не сплю.

я все пытался сообразить, что я такого натворил, и, кроме убийства, которое я вполне мог совершить по пьяни, в голову мне ничего не приходило, однако я не мог понять, при чем тут ФБР.

положите ладони на колени и не шевелите руками!

двое были на переднем сиденье и двое на заднем, вот я и решил, что моей жертвой наверняка стала некая важная птица.

по дороге я забылся и попытался почесать нос.

РУКУ НА МЕСТО!!

когда мы вошли в кабинет, один из агентов показал на ряд фотографий, занимавший все четыре стены.

видите эти снимки? строго спросил он.

я оглядел фотографии. они были вставлены в изящные рамки, но лица мне ни о чем не говорили.

да, снимки я вижу, сказал я.

это агенты ФБР, которые погибли при исполнении служебного долга.

я не знал, каких слов он от меня ждет, и поэтому не сказал ни слова.

меня привели в другой кабинет. за столом сидел человек.

ГДЕ ВАШ ДЯДЯ ДЖОН? заорал он, обращаясь ко мне.

что? переспросил я.

ГДЕ ВАШ ДЯДЯ ДЖОН?

что он хочет этим сказать, я не знал. сначала я решил, что он имеет в виду некое секретное оружие, которое я ношу с собой, дабы по пьяни убивать людей, нервишки у меня пошаливали, и все казалось чистейшим вздором.

я имею в виду **ДЖОНА БУКОВСКИ!**

а-а, он умер.

черт подери, **НЕУДИВИТЕЛЬНО**, что мы никак не можем его найти!

меня отвели вниз, в желто-оранжевую камеру. был субботний день. в окно камеры было видно, как прогуливаются люди. счастливчики! на другой стороне улицы был магазин грампластинок. до меня доносилась усиленная динамиком музыка. казалось, на свободе царит всеобщее веселье. я стоял, пытаюсь сообразить, что я такого натворил. мне хотелось заплакать, но ничего не вышло. была лишь страшная досада. досадный страх, когда хуже чувствовать себя уже невозможно. думаю, вам это чувство знакомо. думаю, время от времени его испытывает каждый. но я, по-моему, испытываю его довольно часто, даже слишком часто.

тюрьма «Мойаменсинг» напоминала мне старый замок. двое больших деревянных ворот распахнулись, впустив меня внутрь. удивительно, что еще через ров с водой переходить не пришлось.

меня посадили к толстяку, который смахивал на дипломированного аудитора.